Статьи. Исследования

Наталья Савельева

Единство разных: репрезентация и популизм в движении «За честные выборы»

В данной статье репрезентация в движении «За честные выборы!» в России 2011-2013 годов рассматривается через анализ ожиданий и представлений участников протеста и стратегий их голосования на выборах в Координационный совет оппозиции (КСО). Участники массовых демонстраций видят в роли представителей прежде всего тех, кто, во-первых, способен сплотить внутренне разнородное движение, а во-вторых – мобилизовать тех, кто еще не вышел на улицы. Выявленный парадокс «единства разных» заключается в том, что это воображаемое единство должно объединять людей вне зависимости от их индивидуальных различий, не отменяя, а сохраняя последние. Стремление к объединению с сохранением различий проявляется в самых разных аспектах существования протестного движения, являясь одновременно его движущей силой и причиной угасания. Концепция популизма Э. Лаклау позволяет различить в протесте 2011–2013-х годов как типичные черты популистского движения, так и отличия от указанной схемы.

Ключевые слова: протест, репрезентация, Лаклау, популизм, движение «За честные выборы!»

Natalia Savelyeva. Unity of the Different: Representation and Populism in 'For fair elections' movement

This article concerns the phenomenon of representation phenomenon and analyzes views of 'For fair elections' movement participants on represen-

Савельева Наталья Викторовна — сотрудник Лаборатории публичной социологии ЦНСИ, аспирант Института социологии РАН, магистрант Европейского университета в Санкт-Петербурге, стипендиат фонда «Ступени». Научные интересы: общественные движения, социология труда. Автор благодарит за помощь в подготовке статьи участников Лаборатории публичной социологии PS Lab, прежде всего И. Матвеева и О. Журавлева.

tation in general and Coordination Board of Opposition in particular. The views on representation give a possibility to better understand the logic of the movement in mobilization mechanics, participants expectations, issues of local activist groups, etc. The Laclau concept of populism helps to distinguish typical features of populist movements as well as their differences in the protests of 2011–2013. A key feature is the paradox of 'unity of the different' when there is a tendency to associations that become acceptable only if individual and group differences of protesters are preserved. 'Unity of the different' bounds participants and prevents them from elaborating a joint political program; it supports the protest and at the same time leads to its decline.

Keywords: protest, representation, Ernesto Laclau, 'For fair elections', populism

Проблема репрезентации была с самого начала центральной для движения «За честные выборы!». Требования «честных выборов», «перевыборов», отказ признавать своими представителями новоизбранных депутатов Государственной думы[1] были заявлены в ходе массовых демонстраций в Москве, Петербурге и большинстве регионов. Сами протестующие видели в «честных выборах» не только способ привести к власти того, кто способен адекватно представлять их интересы, но и воплощение принципа, согласно которому «честные выборы» выступают метафорой справедливого управления вообще, прозрачности всей государственной машины.

Однако репрезентация была не только требованием протестного движения, адресованным власти. Репрезентация также присутствовала внутри самого движения — постольку, поскольку сами митингующие претендуют на то, чтобы говорить от чьего-то лица, и выбирать себе легитимных, с их точки зрения, представителей (примером стало избрание Координационного совета оппозиции осенью 2012-го года[2]). Статья рассматривает практику репрезента-

1 Наряду с требованиями честных выборов важные для участников протеста 2011–2012 годов идеи были выражены в лозунгах «Вы нас даже не представляете», «Мы вас не выбирали» и «Я не голосовал за этих сволочей, я голосовал за других сволочей».

2 Координационный совет оппозиции из 45 членов избран в октябре 2012 г. сроком на год. Кандидаты в члены КС были распределены по четырем спискам: общегражданский, левые, либералы, националисты. Каждый избиратель мог выбрать до 30 кандидатов из общегражданского списка и по пять кандидатов в каждом из партийных (левые, либералы, националисты) списков. Избиратели имели возможность голосовать на специально организованных интернет-площадках или на одном из 60 участков (региональ-

ции в движении «За честные выборы» и понимание репрезентации участниками движения.

Либеральные теории репрезентации подчеркивают значение корректной процедуры выбора представителей, которая служит трем целям: избранные представители получают возможность представлять интересы тех, кто их избрал, власть становится подотчетной гражданам, избиратели («народ») конституируются в качестве единого субъекта политики (см., напр.: [Сийес, 2003], [Милль, 1963], [Манен, 2008]).

Вопреки здравому смыслу и политической теории, в стратегиях репрезентации протестующих, когда речь идет о репрезентации в протестном движении, первые две функции представительства — трансляция интересов и подотчетность — уходят на второй план, в то время как последняя функция — обеспечение единства «народа» — оказывается преобладающей. Таким образом, протестующие ожидают от «честных выборов» в парламент и «честных выборов» в Координационный совет оппозиции различных результатов с точки зрения реализации определенных функций представительства. Кроме того, я покажу, каким образом анализ репрезентации в движении помогает лучше понять общую логику, управляющую протестом 2011–2013 годов, в частности, связать и дополнить ранее высказанные идеи о движении как «единстве одиночек» [Журавлев, 2012], стремлении участников протеста к «политике без конфликта», игнорирующей идеологические противоречия внутри движения [Ерпылева, Кулаев, 2012]. Я дам определение понятия репрезентации и затем с помощью классификации Х. Питкин покажу, какой тип репрезентации предполагается в изучаемом случае. Дальше, опираясь на интервью с участниками митингов 2012–2013-х годов[1],

ных комиссий) в России и за рубежом. В выборах приняли участие 81,3 тыс. избирателей, т. е. несколько меньше предполагавшихся 100 тыс. В октябре 2013 г. КС прекратил работу, предварительно создав рабочую группу по подготовке новых выборов. Их срок не определен. В течение года часть членов КС по разным причинам вышли из его состава (А. Пионтковский, О. Романова, О. Шеин, Е. Аитова, М. Кац), ряд других заметных членов КС заявили от отказе выдвигаться в следующий состав совета (в том числе А. Навальный, Е. Чирикова, Д. Гудков, Г. Гудков, С. Пархоменко и С. Царьков). Члены совета регулярно критиковали его за неработоспособность, удаленность от реальных проблем движения, постоянные внутренние конфликты. Изначальные цели КС — консолидировать движение, выработать общую программу действий, стать дееспособным штабом протеста и его авторитетным представителем в отношениях с властью — не были достигнуты.

1 В ходе исследования было собрано более 200 небольших (от 10 до 40 минут) полуструктурированных интервью с участниками массовых акций протеста, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге и Волгограде, а также

я покажу, что именно репрезентирует КС оппозиции, затем — о репрезентации кого и чего — как в случае этого органа, так и в случае движения в целом — идет речь. Наконец, через теорию популизма Э. Лаклау, я вернусь к вопросу о внутренней логике движения.

Понятие и типы репрезентации

В современной политической теории обсуждение проблемы репрезентации обнаруживает множественность определений этого понятия. Анкерсмит отмечает, что «демократия добилась успеха в сочетании двух совершенно различных концептов» [Анкерсмит, 2004, с. 23–24], совместив в теории репрезентации два подхода. Первый подход понимает репрезентацию как сходство представителей и представляемых. Второй, известный по трудам Э. Бёрка, — как замещение: А представляет В, если может функционировать как «заместитель» В или как «представитель» в его отсутствии, заботиться о сходстве в этом случае мы не должны [Анкерсмит, 2004, с. 23–24]. Более дробную типологию репрезентации предлагает Х. Питкин [Pitkin, 1967]. Репрезентировать для Питкин означает в общем случае «сделать кого-то или что-то вновь присутствующим» (a making it present again)[1]. Питкин выделяет четыре типа репрезентации: формальную, дескриптивную, символическую и репрезентацию действия.

Формальная репрезентация означает, что представитель — это лицо, получившее право действовать, которым оно раньше не обладало. Представитель не отвечает за действия, которые он совершает как представитель: ответственность лежит на представляемом, как если бы действовал он сам. Акцент делается на формальной стороне отношений между представителем и представляемым; представительство определяется в терминах трансакции, произведенной до вступления договора о представительстве в силу. Выборы в этом

более 40 глубинных интервью с теми, кто решил продолжить активистскую деятельность, присоединился или самостоятельно организовал локальные инициативы, чья деятельность направлена на решение проблем конкретного города или района. Исследование выполнено в рамках проекта «Политическая субъективация в современной России», поддержанного грантом Смольного института свободных искусств и наук в 2012–2013-х годах. Кроме того, я также буду обращаться к базе лозунгов протестного движения PEPS, любезно предоставленной Михаилом Габовичем. Подробнее о проекте можно прочитать здесь: http://gabowitsch.net/peps/

1 Питкин, в отличие от Ф. Анкерсмита, распространяет свое определение также на дескриптивную репрезентацию (см. ниже), соответствующую «репрезентации, опирающейся на сходство» Ф. Анкерсмита.

случае понимаются как момент трансакции, в которой представитель наделяется властью над представляемыми.

Идеальным воплощением формальной репрезентации служит суверен Томаса Гоббса. Питкин отмечает, что Гоббс, объясняя переход от естественного состояния к гражданскому, использует не только понятие договора, но и понятие репрезентации. Государство образуется, когда люди заключают соглашение друг с другом и отдают одному право представлять всех в лице единого суверена, the person of them all. Действие представительства соединяет множество людей в единое, устойчивое целое, которое и репрезентирует суверен; именно благодаря репрезентации они могут рассматриваться как единство.

Ф. Анкерсмит формулирует тезис о единстве народа в его представителе более радикальным образом. «Политическая репрезентация существует не просто потому, что практически невозможно собрать на одной бескрайней площади-агоре весь народ, чтобы он весь участвовал в принятии политического решения. Суть проблемы в том, что без репрезентации нет репрезентируемого; без политической репрезентации нет и народа как реального политического единства. Если это так, мы можем сформулировать тезис в еще более вызывающей форме: даже если было бы возможно собрать на одной площади весь народ или достичь той же цели, периодически проводя всеобщие электронные голосования, все равно следовало бы предпочесть репрезентацию. Ибо политическая реальность возникает только тогда, когда народ осознает себя представленным (репрезентированным) кем-то. Без репрезентации ни о какой демократической политике говорить нельзя» [Анкерсмит, 2004, с. 26].

Дескриптивная репрезентация (второй тип по Х. Питкин) предполагает, что представитель не «действует вместо», как в предыдущем случае, но *означает* представляемых (stand for them), является их уменьшенной копией. Представитель должен быть «подобен карте или зеркалу, в сущности, пассивному предмету, устроенному так, чтобы наблюдатель мог бы составить по нему представление о народе в целом» [Pitkin, 1967, p. 81]. Речь идет, например, о том, чтобы состав представительного органа соответствовал составу населения, или представители должны точно воспроизводить мнение народа: «Если представитель будет точной копией, совершенным отпечатком, ему можно позволить замещать весь народ, действовать вместо него» [Ibid., p. 80–81].

Символическая репрезентация отличается как от действия за других, так и от отображения представляемых. Связь между символом и тем, что он обозначает, является производной и существует только тогда, когда в нее кто-то верит — поэтому, согласно Питкин, символическая репрезентация опирается на эмоции, аффект и бессозна-

тельные влечения большей мере, чем на рациональные критерии. В таком случае политическая репрезентация это не деятельность, но состояние дел, не действие *вместо*, но замещение; пока люди принимают своих представителей или верят в них, те представляют их по определению [Ibid., p. 102].

Наконец, тип репрезентации «*действовать вместо*» (acting for) подразумевает, что представитель может выступать в различных качествах: от исполнителя чужой воли, ограниченного четкими предписаниями, до эксперта, уполномоченного самостоятельно решать за представляемых, что для них будет благом. Питкин выделяет три основные идеи, структурирующие варианты такого представительства: идею замещения или действия вместо кого-то, идею заботы или действия в чьих-то интересах, идею действия в качестве подчиненного, следующего инструкциям или пожеланиям других. Ни одна из трех идей, по замечанию Питкин, сама по себе не выражает сколько-нибудь удовлетворительно идею представительства [Ibid., p. 145]. Сравнивая разные концепции репрезентации, Питкин склоняется к мысли, что представляемая вещь или человек должен присутствовать, скорее, в действии, чем в характеристиках представителя (дескриптивная репрезентация) или в отношении представляемого к представителю (символическая репрезентация), или в предшествующих действию или следующих за ним формальных договоренностях (формальная репрезентация).

Образ движения: единство разных

О каком типе репрезентации идет речь в случае с КС оппозиции? Прежде, чем ответить на этот вопрос, стоит отметить, что с самого начала Координационный совет представлял собой достаточно парадоксальное явление. Было не вполне понятно, чем именно он должен заниматься и каким образом ему удастся примирить на первый взгляд взаимоисключающие задачи: вырабатывать общую для всех участников позицию и действовать, выполнять посреднические функции между протестующими и властью и разрабатывать программу борьбы с режимом, быть органом, символизирующим недовольство меньшинства, и при этом привлекать новых участников. Рядовые участники митингов ожидали от КС в первую очередь выдвижения единой программы движения, которая так и не была предложена; те же самые участники через полгода после избрания КС на вопрос о роли этого органа отвечали вопросом: «А чем сейчас занимается КС?», что говорит как о слабой осведомленности о работе совета, так и о, скорее всего, его незначительной роли в протестном движении, по крайней мере, в глазах тех, кто выходил на улицы. На последних заседаниях, состоявшихся осенью 2013 года, многие

члены совета критически высказались о результатах его деятельности, отметив, что КС не удалось состояться как институту и сыграть ту роль, которая была на него возложена теми, кто участвовал в выборах.

В высказываниях участников митингов по поводу КС выделяются несколько основных сюжетов, касающихся репрезентативных функций: во-первых, его существование удостоверяет существование движения (без представителей нет представляемых); во-вторых, в КС воплощено единство движения и в то же время отражена его внутренняя разнородность.

Участники митингов говорят о следующих функциях КС, значимых с точки зрения репрезентации единства движения. Прежде всего, совет должен объединить людей разных взглядов, которые должны договориться между собой, выработать общую позицию.

«*Ну, я считаю, что в оптимальном варианте в будущем КС может стать одной из структур государства, объединяющей людей (...) Вот КС — это некое созидательное начало, объединяющее людей. Чем больше таких вещей будет, тем, наверное, быстрее мы научимся жить в одной стране с совершенно разными, полярными зачастую, взглядами (...) Наверное, он должен заниматься организацией протестных митингов и делать так, чтобы люди разных взглядов не ссорились друг с другом, а выходили и проводили свою повестку дня*» [респондент 1].

«*Я думаю, роль у него [КС] координационная, консолидирующая. Чтобы всех, так сказать, все эти кучки собрать*» [респондент 2].

Логика отбора представителей также подчинена задаче консолидации движения. Его участники голосуют не только за кандидатов, выражающих их собственные политические взгляды, но и за тех, кто способен объединить и возглавить протест.

«*Я делал пометки каждый раз после дебатов. Ну, я отмечал тех людей, которые способны рассказать о своих идеях красиво, складно, повести за собой толпу, чьи точки зрения, с ними я согласен... и даже те, с которыми я не согласен, например, националистические, но те, которые способны объединить протест*[1]*. (...) Наверное, он [КС] должен заниматься организацией протестных митингов и делать так, чтобы люди разных взглядов не ссорились друг с другом, а выходили и проводили свою повестку дня*» [респондент 3].

1 Дальше тот же респондент объясняет, почему выбрал одного из кандидатов КС: «Мне понравилось, во-первых, как она [Изабель Магкоева] выступала на митинге, как заводила людей, очень экспрессивно. Мне кажется, если она будет представлять тех, кто на нее ходит [...] И я уверен, что она может повести за собой большую часть». Тема политических предпочтений кандидата не затрагивалась (вероятно, как несущественная для выбора).

Наконец, лидеры КС должны не только объединить участников движения, но и быть способными привлечь в движение новых членов. Совет должен был стать представительным органом, консолидирующим не только движение, но и его потенциальных участников, или, по замечанию одного из респондентов, стать «ядром будущей партии».

[Отвечая на вопрос о роли КС] «Самое главное, это выводить людей на улицы. И чем больше выйдет, тем, конечно, лучше будет для страны» [респондент 4].

«Мне кажется, [КС] как раз должен способствовать развитию, привлечению больших масс людей. Потому что мне кажется, что протестные настроения распространены гораздо шире (...) Мне кажется, роль КС должна быть в том, чтобы придумать эти новые способы, чтобы привлекать людей все больше и больше» [респондент 5].

Таким образом, речь идет не только о примирении уже существующих позиций и противоречий, то есть, консолидации протеста изнутри. Лидеры должны быть способы «повести массы», сделать протест популярным и привлечь в него новых участников, то есть, консолидировать его извне — с теми, кто в настоящий момент из него исключен. Одна из респонденток отмечает, что члены совета должны выражать *«мнение всех, чье мнение сейчас не слышно»* [респондент 6], а не только тех, кто заявил о себе публичным участием в митингах. Примечательно также заявление другого респондента, обеспокоенного тем, чтобы *«КС не стал выразителем интересов [одних только] либерально настроенных жителей Москвы и Петербурга»*, поскольку необходимо, чтобы «*как-то он выражал интересы всего общества*» [респондент 7]. КС мыслится как структура, представляющая не столько движение, сколько весь народ.

Парадоксальным образом первым и необходимым условием объединения является максимальное разнообразие представителей, избранных в КС. Такая идея отражена в процедуре голосования: участникам предлагается выбрать кандидатов из четырех списков, три из которых обеспечивают представительство разных политических течений. Число членов КС, избираемых по спискам левых, либералов и националистов (по пять человек), никак не соотносилось с представительством этих групп в движении. КС оказывается репрезентативным не по отношению к отдельным членам движения, но по отношению к определенному принципу. В нем должны быть представлены «все» — потенциальные и существующие представляемые — независимо от того, какова реальная доля приверженцев определенных политических взглядов. Как замечает один из респондентов, «*люди, которые идут в КС — многие [из них] разделяют мнения разных частей общества. И чем разнообразней и разношерстней КС будет — тем эффективней*» [респондент 8]. Таким образом, если мы

попытаемся рассмотреть совет с точки зрения типа репрезентации, которую Питкин обозначила как «действие вместо» («acting for»), мы обнаружим, что КС должен представлять движение в двух различных (и, как оказалось позже, часто взаимоисключающих), действиях: его члены, с одной стороны, должны, несмотря на разность позиций, договариваться друг с другом, а с другой — действовать как единое целое, реализуя то, для чего изначально было задуман КС. Тот же самый респондент, который настаивает на разношерстности КС, отмечает: *«в то же время надо понимать, что важно, чтобы он [КС] не развалился».*

Каким образом возможно объединение тех, кто исповедует разные политические идеологии? Следует отметить, что тема «объединения разных» неоднократно поднималась на протяжении всех протестных выступлений. За слепоту к различиям политических позиций движение неоднократно подвергалось критике. В то же время сами участники с удивительным постоянством от митинга к митингу давали почти всегда один и тот же ответ на вопрос о том, как они относятся к присутствию представителей разных политических взглядов, в том числе — радикальных: «*Лозунги неадекватны, а участвовать в протесте — пусть они участвуют, конечно, чтобы людей тоже из своего сообщества на эту сторону перетягивать*» [респондент 9]; «*Я хотел бы, чтобы все приходили. Больше людей — лучше*» [респондент 10]. «*Я отношусь к этому положительно, потому что, если они все выступают против одного и того же — это хорошо*» [респондент 11][1].

Приведенные ответы явным образом перекликаются с представленными выше доводами в пользу разношерстности КС — с готовностью ряда опрошенных отдать голос за кандидатов с политическими взглядами, не совпадающими с их собственными.

Необходимость такого объединения обосновывается как общедемократическими ценностями («нужно научиться договариваться»), так и соображениями стратегии и тактики. Некоторые участники говорят, что сотрудничество возможно лишь на время борьбы против общего врага, а когда оппозиция победит, все смогут «разбежаться»[2]. Кроме того, как рядовые участники движения, так и эксперты, а также будущие члены КС в равной мере выражали мнение,

1 Ср. с наблюдением С. Ерпылевой и М. Кулаева [2012], что респонденты «одобряют присутствие разных политических сил на митингах, но до тех пор, пока оно работает как объединяющая, антиполитическая тенденция».

2 Ср., например, *«Люди разные, лебедь, рак и щука, но на данном пути развития они имеют общего врага. И поэтому когда имеют врага, эти люди, естественно, объединяются, чтобы этого врага свергнуть. В новой России эти люди будут представлять разные партии, потому что у них разные политические платформы и разное видение будущего»* [респондент 12].

что консенсус возможен в случае, если будут найдены общие цели, которые позволят объединиться представителям разных взглядов.

Ю. Сапрыкин: У этого решения [голосование по четырем разным спискам] есть свои недостатки, и оно в общем мало кого устраивает. Но это было необходимо для того, чтобы сохранить вот этот хрупкий консенсус, сложившийся во время зимних митингов.

С. Сорокина: Ну, а вот насколько в принципе устойчив этот консенсус? Вот здесь я вопросы посмотрела. Сплошь и рядом как раз люди пишут. (...) «При такой разнице взглядов, позиций, такие разные люди...».

Е. Лукьянова: Мы же не партию создаем.

С. Сорокина: А как вообще можно рассчитывать, что Координационный совет хоть как-то едино сможет действовать в этих условиях?

Е. Лукьянова: Ну, а почему же не сможет-то? Если цели ставить единые для всех... (...) По тому, как оно [государство] сегодня действует, оно похоже на ткань под радиационными лучами, которая просто разложилась. Не возбуждаются уголовные дела, не ловятся преступники, не идет борьба с коррупцией. Это цели общие. Тут совершенно не важно, левый ты, правый, серо-буро-малиновый, в яблочко, националист ты или либерал. Это единые цели. (...) Они [КС] будут координировать действия по достижению общих целей, единых целей. В первую очередь это, конечно, политическая конкуренция, это права оппозиции, это гражданский контроль [В круге света, 2012][1].

Разнообразие, которое должен репрезентировать КС, подчиняется необходимости объединения, а единство, символом которого он является, заключает в себе внутреннюю разнородность. Следуя этой логике, противоречия, будь то противоречия между рядовыми участниками, выходящими на митинг в разных колоннах, или между лидерами движения, должны быть представлены, но в то же время — сняты, поскольку они оказываются второстепенными, а задача объединения и расширения протеста (на данный момент) — основной. Можно сказать, что в данном случае речь идет о «консенсусе без консенсуса».

Предполагается, что люди, придерживающиеся разных взглядов, став частью движения или частью КС, не откажутся от них. Левые не станут правыми, националисты — либералами, социалисты — либертарианцами, и т. д. Речь также не идет о формировании одной — общей для всех — политической идеологии. Удивительно,

1 Примечательно, что в приведенной выше цитате речь идет не о *выработке* общих целей, *создании* чего-то нового; задача видится в том, чтобы *найти* общие цели, которые предположительно *уже существуют* в реальности.

но в приведенной выше цитате из обсуждения на Эхе Москвы (как и в высказываниях участников движения) речь не идет о *выработке* общих целей — то есть, буквально, о *создании* чего-то нового (того, что не существовало до этого); речь идет о том, чтобы *найти* цели — так, как будто они *уже* существуют в реальности («не возбуждаются уголовные дела, не ловятся преступники...»), объективно и очевидно общие для всех, вне политики и частных мировоззрений. «*Я понимаю, что на митинг приходят разные люди, и что они будут вести себя по-разному — я в этом смысле толерантна. Но мне нравится, что люди объединены общей необходимостью почему-то выйти на улицу*» [респондент 13]. Именно в этом смысле движение представляет собой единство одиночек, которые стремятся к объединению, но не могут преодолеть разделяющей их разобщенности[1].

Итак, КС представляет движение не потому, что голос каждого участника выборов был учтен и зафиксирован в фигуре конкретного кандидата — его кандидата, а потому, что он представляет движение как целое, которое составлено из одинаково значимых элементов. Те, кто принимал участие в выборах, выбирали не только тех кандидатов, которые были им близки по взглядам и политическим позициям, но и тех, кто представлял движение в целом — представителей «всех». Поэтому, если мы говорим о КС в перспективе дескриптивной репрезентации, мы имеем дело не с точной картой или снимком, по которым можно было бы понять, как устроено движение с точки зрения того, каких именно взглядов придерживается каждый его участник в отдельности. Мы имеем дело с репрезентацией образа, воплощающего определенный принцип: единства непохожих, образованного без оглядки на различия взглядов, единства, которое предполагает не унификацию, а поиск общих оснований при сохранении внутренних противоречий и различий.

От неопределенности к существованию: образ народа

Присутствие третьей стороны (адресата) не является необходимым условием репрезентации [Pitkin, 1967, p. 105–106]. В нашем случае, тем не менее, важно понять, не только кого и что репрезентирует КС, но и перед кем. Мы обнаруживаем здесь три адресата: власть, участников протестного движения и людей, не входящих в него.
КС, по выражению одного из участников митингов, это *«представительство от той же площади, от той же Болотной»* [респондент 14]. Это представительство необходимо для того, чтобы, во-первых, проте-

1 См. развитие этого тезиса в полилоге КИП «Преодолевая деполитизацию» для журнала Критика политична [Ерпылева и др. 2013].

стующие были представлены в качестве политического субъекта (т. е. без представителя нет представляемого). Во-вторых, именно благодаря репрезентации представляемые могут быть представлены в своем единстве[1], то есть, в качестве единого политического субъекта.

Кроме того, создание КС должно было придать движению определенность, обеспечив переход от митингов, больше похожих на праздник, чем на политическое событие, к выдвижению программы и конкретных требований. Выбрав своих представителей в совет, участники движения делегировали им право действовать за себя как в ситуации диалога с властью, так и в определении собственных целей и устремлений. Как бы ни была привлекательна идея самопредставительства, отстаиваемая некоторыми исследователями [Бикбов 2013] и отчасти подтверждаемая критическими высказываниями информантов по поводу того, что лидеры движения на самом деле не представляют их, в высказывании тех же самых информантов мы обнаруживаем другое сообщение: «*Движение не должно быть какое-то такое аморфное. Должен быть фронтпейдж, за которым пойдут*» [респондент 15]. Именно от лидеров, а затем от КС рядовые участники ожидали формулировки позитивной программы протеста.

Чтобы появиться в качестве субъекта политического действия, движению необходимо было стать не только представленным, но и увиденным. Соответствующее стремление участников протеста обнаруживается задолго до создания КС и безотносительно к последнему: «*Я ожидаю, что власть увидит нас, она нас наконец-то услышит и начнет предпринимать какие-то действия на радикальное изменение ситуации*» [респондент 16]; « [я хочу, чтобы] *власти обратили на нас внимание, на нашу точку зрения*» [респондент 17]. Непосредственной артикуляцией этого желания является присутствие на митингах категории лозунгов[2], которые выражают требование быть увиденными: «Мы есть!», «Мы существуем», «Мы вышли в оффлайн!»[3]. Сначала отдельные участни-

1 Так, К. Шмитт указывает, что политическое единство народа как таковое никогда реально не наличествует и поэтому должно быть представлено специальными людьми. То есть, личность представителя в определенном смысле обеспечивает присутствие того, что в действительности отсутствует — политическое единство народа [Манен, 2008, с. 190].

2 База лозунгов протестного движения PEPS на данный момент содержит более 6700 лозунгов, собранных в разных российских и зарубежных городах с февраля 2011-го по апрель 2012-го годов.

3 В базе протестных лозунгов PEPS доля лозунгов такого типа составляет менее 1%, что, однако, не свидетельствует об их маргинальности, поскольку само по себе участие в протестных акциях является заявкой присутствия.

ки движения узнают себя в других, «таких же, как они», вышедших на митинг людях («я понял, что я не один такой, нас много»), но только будучи выхваченными из серой зоны неразличимости взглядом власти, признанные этой властью, противопоставленные ей, они обретают себя в качестве реально существующей группы. Первым шагом к этому является выход на улицу, то есть — самопредставительство, вторым — выбор репрезентативного органа, который будет одновременно и представлять, и противопоставлять движение власти.

Приведенные рассуждения кажутся очевидными: признание любой группы и ее нужд требует, чтобы она была репрезентирована, не важно, через представителей или с помощью прямого действия. Проблема в другом: о представительстве какой группы идет речь в данном случае? Выше дан ответ на вопрос, *что* репрезентирует КС: идею единства разных, объединения поверх различий с сохранением за каждым права на отличие от других. Теперь надо понять, представителем *кого* выступает КС: участников протестного движения? Среднего класса? Хипстеров? Недовольных горожан? Ответственных граждан? Ответ — ни тех и ни других. Как уже было отмечено, потенциально КС должен представлять не только тех, кто уже присоединился к движению, так как одной из его задач является расширение протеста. Так же, как само движение представляет не только протестующих, так и КС на самом деле представляет не конкретную группу, существующую в обществе: и движение, и КС претендуют на то, чтобы представлять всех, все общество, «народ». Именно поэтому возникает третий адресат репрезентации — те, кто остался вне движения и (пока) не принадлежит ему

Мысль о том, что протестное движение вправе быть представителем всего общества, кажется по крайней мере спорной. Цифры говорят сами за себя и именно к цифрам предпочитают обращаться противники движения, обосновывая нелегитимность таких притязаний. Второй аргумент не в пользу такого рода представительства — рассуждения о социальном составе протеста, противопоставляющие малочисленных, образованных и состоятельных остальной «массе» [1]. Но, исходя из внутренней логики движения, аргументация представляется принципиально иной. Как уже было показано

Важно, скорее, обстоятельство, что это присутствие нуждается в дополнительной артикуляции в лозунгах.

1 Образцом риторики «активного меньшинства» служит статья В. Панюшкина [2012] с говорящим названием «Что общего у меня с народом?». Обсуждение тезиса о «двух Россиях», «протестной» и «консервативной», см. [Матвеев, 2012]. Социологическую критику тезиса о «протесте среднего класса» представил А. Бикбов [2012b], который подчеркивает существенную разнородность социального состава движения.

выше, с точки зрения участников движения различия в политических взглядах и предпочтениях, равно как и разность социального происхождения, не могут помешать людям объединиться под единым лозунгом, против общего врага, и за решение проблем, которые рассматриваются общими для всех.

На вопрос, почему на протестные митинги не выходит все население, их участники отвечают, что не все осознают реальное положение дел (или осознают, но не готовы действовать): «*Если бы все знали правду о власти, мне кажется, больше было бы людей*» [респондент 18]. «*Многие просто говорят между собой там, как бы в общении с друзьями, но не выходят*» [респондент 19]; «*общество, оно должно как бы проснуться*» [респондент 20]. При этом участники протеста считают, что на митинги выходят «*обычные люди, которые проснулись*», «*возмущены*» и «*не мирятся с несправедливостью*» [респондент 21].

Даже когда речь идет о разделении между «креативным классом» и теми, кому хочется только «колбасы и хлеба», различия между ними вписываются в логику градации, а не конфликта. Последние отличаются от первых только тем, что немного «не доросли»; речь не о непримиримых противоречиях или непреодолимых разногласиях, а лишь о недостаточной сознательности. Эта риторика «недо-» (недо-понимания, недо-информированности, недо-ответственности, недо-развитости) позволяет в перспективе расширять протест в рамках одного государства практически до бесконечности, пока каждый гражданин не выскажется открыто против существующей власти. Поэтому митинги должна увидеть не только власть, но и те, кто пока не присоединился к протестующим: «*[я жду от этого митинга,] чтобы еще больше людей проснулось*» [респондент 22]. В пользу такого предположения говорит также риторика протестных лозунгов, где «народ», «люди», «граждане», «россияне», а также «Россия» и «страна огромная» выступают адресатами обращений митингующих.

Третий адресат репрезентации — все, кто потенциально является частью движения — оказывается одновременно и репрезентируемым, и тем, для кого предназначена репрезентация, так как движение, подобно КС, претендует на то, чтобы говорить от лица всего «народа».

Народ против власти: популизм движения «За честные выборы»

Отличительные черты протестного движения, такие, как нечувствительность к политическим различиям и стремление объединяться, несмотря на разногласия, как и практические трудности, к которым приводят подобные установки, отчасти обязаны тому факту,

что и КС, и движение в целом представляют собой меньшинство, претендующее на выражение воли большинства[1] или всего народа.

Ранее А. Магун и О. Журавлев [Магун, Журавлев, 2012; Магун, 2013] обратили внимание, что в проанализированных интервью протестующие ассоциируют себя и движение с «народом» намного чаще, чем со «средним» или «креативным классом». Это позволило авторам определить протестное движение 2011–2012-х годов как популистское. На мой взгляд, речь идет не просто об отождествлении с народом (напротив, скорее участники движения идентифицируют народ с собой), о том, что участники движения считают себя его частью и представителями, или упоминают народ в интервью и на плакатах, противопоставляя идентификации себя со средним или креативным классом [Магун, 2013]. Говорить о движении «За честные выборы» как о популистском позволяет не самоопределение участников, не употребление слова «народ»[2], но — и это главное — попытка через игру репрезентации снять различия между группами, политическими идеологиями и индивидами, установить эквивалентность между требованиями разных участников, устранить границы между протестующими и теми, кто исключен из протеста.

Примем тезис Э. Лаклау [2009], что популизм представляет собой не тип движения, а особую политическую логику, конструирующую единство группы: «движение является популистским не потому, что его политическое или идеологическое содержание помечается как популистское, но только в том случае, если движение обнаруживает специфическую логику артикуляции этого содержания, каким бы оно ни было» [Лаклау, 2009, с. 52–53]. Лаклау выделяет следующие предпосылки возникновения популистского движения: (1) формирование антагонистической границы, разделяющей народ и власть, (2) формирование популистского требования, в котором (3) возникают отношения эквивалентности между требованиями различных групп, составляющих движение. В отличие от демократических требований, которые выдвигаются и удовлетворяются каждое по отдельности, популистское требование создает более широкую социальную субъектность, конституируют народ как потенциального исторического актора.

Механизм возникновение популистского движения Э. Лаклау описывает следующим образом: сначала возникают частные тре-

1 Автор благодарен И. Матвееву за формулировку данного тезиса.

2 А. Магун отмечает, что использование слова «народ» является одним из основных элементов популизма, наряду с эклектичными идеологией и социальной базой, а также антагонизмом масс и элит [Магун 2013].

бования индивидов или групп, которые не удовлетворяются властью. Постепенно те, кто выдвигал эти требования, понимают, что есть другие, чьи требования также не были удовлетворены. Объем требований нарастает, институциональная система уже не может ответить на них демократически, т. е. отдельно друг от друга. Происходит «унификация различных требований, эквивалентность которых до этого момента представляла собой не больше, чем чувство неопределенной солидарности, в стабильную систему означивания» [Лаклау, 2009]. Установление эквивалентностей означает отказ от частных требований в пользу общего, т. е. эквивалентность, по Э. Лаклау, есть «то, что разрушает различие». В результате через расширение цепи эквивалентностей неудовлетворенных требований происходит дихотомизация политического спектра и формируется внутренняя граница: народ объединяется вокруг популистских требований, которые конституируют его единство, и отделяет себя от власти, которая оказывается по ту сторону символической границы. Популистская логика приводит к возникновению «народа», который является одновременно и производным от границы, разделяющим его и власть, и производным от популистских требований, возникших в результате кристаллизации цепочек эквивалентостей, которые и конституируют смысловое измерение этой границы. Именно поэтому Лаклау рассматривает популизм одним из способов конституирования единства группы, которая возникает как результат артикуляции социальных практик[1].

Теорию Лаклау критиковали за ее нереалистичность, непригодность для объяснения ряда исторических ситуаций [Beasley-Murray, 2006]. Тем не менее, можно утверждать, что в случае протестного движения в России в том, что касается характера объединения участников, мы имеем дело именно с популистским протестом в определении Лаклау.

В данной теории популистский протест начинается с локальных выступлений: с неудовлетворенных требований отдельных людей и групп, между которыми может не быть ничего общего. «В требованиях, объединенных цепью эквивалентности, нет ничего позитивного — их связывает только то, что они все не были удовлетворены властью» [Laclau, 2005, p. 96]. В случае движения «За честные выборы» мы видим недовольство отдельных индивидов, оппозиционных политиков и активистских групп, между которыми было мало общего с точки зрения содержания претензий к власти, а также политических взглядов. Отличие нашего случая от модели Э. Лаклау

1 Более подробные изложение и анализ концепции Э. Лаклау см.: [Матвеев 2010].

обнаруживается в том, что здесь частично выпадает первый этап, на котором движение представляет собой разрозненные протесты с разными требованиями, которым только предстоит объединиться на следующих этапах.

Движение «За честные выборы» начинается не с возникновения отдельных групп и требований, которые затем объединяются, а с индивидов, чье недовольство, как правило, не было артикулировано до первых митингов в декабре 2011 года, а затем сразу же преобразовалось в лозунг «За честные выборы». Его содержание оказалось предельно широким: из интервью с участниками движения следует, что честные выборы виделись им ключом к решению самых разных проблем, от коррупции до социального неравенства. Означающее «честные выборы» отделилось от означаемого (пересмотр результатов выборов 4 декабря), потеряло привязку к конкретной ситуации, стало метафорой, отсылающей к необходимости перемен в стране. Превращение «честных выборов» в пустое означающее подтверждается также живучестью лозунга с их требованием. Год спустя после начала движения участники протестных акций по-прежнему признавали его актуальность, часто уже не связывая его с событиями декабря 2011 года, послужившими триггером протестов. Одновременно лозунг с требованием «честных выборов», выдвинутый поверх отдельных претензий к режиму, не ограничивающихся одними только выборами, провел четкую границу между «народом» и «властью», «Болотной площадью» и «жуликами и ворами».

Ранее С. Ерпылева и М. Кулаев [2012] отметили, что участники движения предпочитают политику без конфликта, т. е. тип политики, в котором идеологические противоречия внутри движения признаются незначимыми. Логика популистского движения предполагает именно такую позицию: снятие внутренних различий за счет отказа от частных требований в пользу общего (по Э. Лаклау, «эквивалентность — это то, что разрушает различие»), отказ искать врагов внутри движения, поскольку основной противник находится вовне. Именно власть, или режим, которые могут быть персонифицированы в лице Путина, Чурова и отдельных чиновников, как это произошло на митинге против «закона Димы Яковлева»[1], выступают

1 Федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» — закон, запрещающий въезд и определяющий арест активов граждан США, причастных к нарушению прав человека или преступлениям против граждан России (статья 1), получивший известность за счёт содержащегося в нём запрета гражданам США усыновлять российских детей-сирот (статья 4). 13 янва-

в качестве общего врага, против которого ведется борьба. Противодействие этому врагу консолидирует движение, позволяя на время забыть о внутренних противоречиях, и, одновременно, через него участники движения обретают свою идентичность и субъектность.

Выводы

Идентификация с народом в движении, управляемом популистской логикой, отличается от идентичности и солидарности, описываемых теориями социальных движений. Претензия участников движения представлять «народ», как и установление единства путем включения в «народ» всех, кого нельзя отнести к категории общего врага, не означает, что у участников движения возникает новая — коллективная — идентичность, которая может стать основой для солидарности и коллективного действия. Также это не означает, что в результате протестных акций действительно произошло заявленное «объединение с народом». Согласно логике движения объединение через категорию «народа» допускает сохранение большой внутренней разнородности и не предполагает, что противоречия внутри движения будут преодолены за счет пересмотра участниками своих позиций и создания общей идеологической платформы. «Народная» идентичность оказывается такой же пустой, как и пустое означающее главного лозунга движения. Отсылка к народу и представление о солидарности всех в противостоянии власти как общему врагу не предполагает отказа от частных идентичностей. Участники движения могут одновременно считать себя представителями «народа», когда речь идет о борьбе с общим врагом, и отделять себя от него, когда дело касается вопросов культурных предпочтений или политической сознательности.

Противоречие между стремлением к объединению и сохранению различий находит свое выражение в самых разных аспектах протестного движения — например, в высказываниях участников митингов о представителях разных политических групп, присутствующих на митингах, стратегиях поведения на выборах в КС, в работе новых локальных инициатив. Будучи привлекательным с точки зрения теоретических рассуждений, оно, однако, способно парализовать любую практическую деятельность. Так произошло с КС, когда оказалось, что реализация общих целей, которые якобы должны были позволить представителям различных взглядов

ря 2013 года в Москве и некоторых других городах прошел «Марш против подлецов», организованный в рамках движения «За честные выборы!» и направленный против этого закона.

успешно действовать вместе, на деле приводит лишь к воспроизводству первоначальных разногласий. Другой пример противоречивого «единства разных» мы находим в деятельности новых локальных групп, созданных на волне протеста. Их участники объединились, чтобы решать конкретные проблемы их города или района, но не были готовы выработать общую программу, которая неизбежно предполагала бы отказ от каких-то предпочтений отдельных участников. Отсутствие общей программы действий, как и недостаток ресурсов и опыта, приводят к тому, что проекты, начатые участниками локальных групп, часто остаются нереализованными [см. Журавлев, Савельева, Ерпылева 2014]

Таким образом, движение оказывается заложником популистской логики, которая не предполагает реального консенсуса или выработки общей программы, а только объединение вокруг абстрактных лозунгов и не связанных с конкретными интересами или сетями солидарных идентичностей. На вопрос, выйдет ли движение из популистской логики и в каком направлении будет развиваться, еще предстоит ответить.

Библиография

1. *Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия: эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004. № 2 (42). С. 15–40.*
2. *Бикбов А. (a) Представительство и самоуполномочение // Логос. 2012. № 4 (88). С. 189–229.*
3. *Бикбов А. (b) Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 — июнь 2012) // Лабораториум. 2012. № 2. С. 130–163.*
4. *В круге света: Зачем нужен Координационный совет // Эхо Москвы. 17 октября 2012 г. (http://echo.msk.ru/programs/sorokina/941 115-echo).*
5. *Ерпылева С., Кулаев М. Вернулась ли политика на улицы? // Полит. ру. 2012. 20 апреля (http://polit.ru/article/2012/04/20/politics).*
6. *Журавлев О., Ерпылева С., Кулаев М. и др. Преодолевая деполитизацию: Дискуссия участников Коллектива по изучению политизации (КИП) о движении «За честные выборы» // Политическая критика (Варшава). 2013. № 1. С. 212–227.*
7. *Журавлев О., Савельева Н., Алюков М. Мое и общее: почему у современного российского протеста нет идеологии? // Политика аполитичных: протестное движение в России 2011–2013 годов. СПб: Новое литературное обозрение, 2015 (в печати)*
8. *Журавлев О., Савельева Н., Ерпылева С. Индивидуализм и солидарность в новых российских гражданских движениях // Журнал исследований социальной политики, 12 (2). 2014 (в печати)*
9. *Лаклау Э. О популизме // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2009. № 3. С. 54–68.*
10. *Магун А. Революция и диалектика репрезентации // Логос. 2012. № 2 (86). С. 81–94.*
11. *Магун А. Единство и одиночество. М.: Новое литературное обозрение, 2011.*

12. *Магун А. Протестное движение 2011–2012 гг.: новый популизм среднего класса // Stasis. — 2013. — № 2.*
13. *Магун А., Журавлев О. Новый популизм: как протестному движению выжить в 2013 году и добиться успеха в 2014-м // Slon.ru. 2012. 27 декабря (http://slon.ru/russia/protestnomu_dvizheniyu_ne_khvataet_populizma-869 844.xhtml).*
14. *Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПБ., 2008.*
15. *Матвеев И. Политическая теория Эрнесто Лаклау (http://ru.scribd.com/doc/115 118 073)*
16. *Матвеев И. Близкие контакты третьей степени // Русский журнал. 2012. 2 апреля (http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Blizkie-kontakty-tret-ej-stepeni).*
17. *Милль Дж. Ст. Размышления о представительном правлении. — СПб.: Изд. Яковлева, 1863.*
18. *Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту/Сост. и пер. М. Б. Певзнер. — Спб: Алетейя, 2003.*
19. *Панюшкин В. Что общего у меня с народом // Проект «Сноб». 2012. 3 апреля (http://www.snob.ru/selected/entry/47 631).*
20. *Beasley-Murray J. [Review]/Ernesto Laclau, On Populist Reason; Franciso Panizza, Populism and the Mirror of Democracy // Contemporary Political Theory. 2006. No. 5. P. 362–367.*
21. *Laclau E. On Populist Reason. L.; N. Y.: Verso, 2005.*
22. *Pitkin H. The Concept of Representation. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1967.*

Респонденты

1. Мужчина, около 40 лет, высшее инженерное, психологическое и художественное образования, художник. Интервью взято в Санкт-Петербурге 20.10.2012.
2. Женщина, около 50 лет, высшее образование, инженер-синоптик. Интервью взято в Москве 20.10.2012.
3. Мужчина, около 30 лет, высшее образование, врач, бухгалтер. Интервью взято в Санкт-Петербурге 20.10.2012.
4. Женщина, около 55 лет, пенсионерка, среднее специальное образование, работала инженером. Интервью взято в Москве 20.10.2012.
5. Женщина, 24 года, аспирант-историк, работает. Интервью взято в Москве 20.10.2012.
6. Девушка, 25 лет, студентка. Интервью взято в Санкт-Петербурге 21.10.2012.
7. Мужчина, около 35 лет, высшее педагогическое образование, фотограф, преподаватель английского языка. Интервью взято в Санкт-Петербурге 20.10.2012.
8. Мужчина, около 30 лет, высшее образование, врач, бухгалтер. Интервью взято в Санкт-Петербурге 20.10.2013.

9. Мужчина, около 30 лет, высшее образование, врач, бухгалтер. Интервью взято в Санкт-Петербурге 20.10.2012.
10. Мужчина, 24 года, высшее образование, работает в области программного обеспечения. Интервью взято в Москве 26.02.2012.
11. Мужчина, 65 лет, высшее образование, экономист. Интервью взято в Москве 5.03.2012.
12. Мужчина, высшее образование, художник, редактор, издатель, политтехнолог, интервью взято в Санкт-Петербурге 20.10.2012.
13. Женщина, 55 лет, журналист. Интервью взято в Париже 4.02.2012.
14. Мужчина, 42 года, высшее образование, экономист. Интервью взято в Москве 20.10.2012.
15. Мужчина, 43 года, высшее техническое образование, университетский преподаватель и администратор. Интервью взято в Санкт-Петербурге 15.09.2012.
16. Мужчина, около 28 лет, высшее образование, офисный работник. Интервью взято в Москве 4.02.2012.
17. Женщина, 28 лет, два высших гуманитарных образования, временно безработная. Интервью взято в Москве 26.02.2012.
18. Мужчина, 31 год, среднее техническое образование, бывший десантник, сейчас работает охранником, солист оппозиционной музыкальной группы. Интервью взято в Москве 10.03.2012.
19. Женщина, около 35–40 лет, высшее образование, инженер-электрик. Интервью взято в Санкт-Петербурге 25.02.2012.
20. Женщина, высшее образование, психолог. Интервью взято в Санкт-Петербурге 25.02.2012.
21. Мужчина, среднее специальное образование, столяр, на данный момент безработный. Интервью взято в Санкт-Петербурге 25.02.2012.
22. Мужчина, 33 года, высшее образование, юрист. Интервью взято в Москве 5.03.2012.